

Перфект в древнеуйгурском языке

Н. Н. Телицин, К. А. Алиева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Телицин Н. Н., Алиева К. А. Перфект в древнеуйгурском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 332–344. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.207>

В статье обсуждаются вопросы семантической природы тюркского перфекта, границ его семантической зоны и возможных средств выражения перфекта в древнеуйгурском языке. Цель исследования — определить средства выражения перфектных значений в древнеуйгурском языке. Изучаются морфологические средства, которые способны выполнять функцию носителей значений, входящих в семантическую зону перфекта. Перфект и описание его семантической зоны неразрывно связаны с понятиями аспекта, акциональности и способами глагольного действия. В связи с этим подробно рассматривается вопрос о релевантности и применимости данных терминов к древнеуйгурскому перфекту. В настоящем исследовании изучение форм — носителей перфектных значений осуществляется с опорой на точку зрения, согласно которой аспект как грамматическая категория в тюркских языках отсутствует. Диахроническое исследование аспектуальных и временных значений на материале древнеуйгурского языка может послужить ключом к пониманию тюркского перфекта и его реализации в родственных современных языках. Для выявления и описания морфологических средств с перфектным значением используются функционально-семантический и типологический методы. В качестве материала использованы письменные памятники древнеуйгурского языка, датированные примерно X–XI вв., биографического и религиозно-философского содержания. Работа с письменными памятниками, осмысление существующих теоретических подходов к пониманию перфекта как элемента аспектуального функционально-семантического поля показывают, что перфектные значения в древнеуйгурском языке передаются морфологическими средствами, которые можно описать как особые модели. Также установлено, что средства, выражающие значение перфекта в древнеуйгурском языке, могут маркировать временную локализованность и/или аспект.

Ключевые слова: тюркские языки, древнеуйгурский язык, письменные памятники, аспект, аспектуальность, перфект, аналитические формы, перифрастические формы.

Введение

В тюркологических исследованиях перфект традиционно рассматривается лишь как особая глагольно-временная форма, представляющая передаваемое им действие «весьма специфическим образом: действие закончилось до какого-то определенного момента и на (в) этот определенный момент преподносится и рассматривается результат этого действия, каковым оказывается состояние или положение объекта... или субъекта...» [1, с. 412]. В различных тюркских языках пер-

фект представлен глагольными формами с морфемами: *-быт, -уап, -тиš, -(j)ip* и др. [2, с. 263–303, 412–423].

Вопрос о семантической природе перфекта и средствах его выражения в тюркских языках отдельно практически не рассматривается, а затрагивается вопрос о семантике всего класса финитных форм глагола. Одновременно появляется тенденция рассматривать систему временных форм глагола как систему, в которой сопряжены аспектуальные и темпоральные значения [3, с. 11]. В результате осмысления семантических особенностей данных форм большинство исследователей приходят к выводу о необходимости разграничения понятий «аспект» и «акциональность». В ряде работ разносятся понятия «вид» (Aspekt) и «способы глагольного действия» (Aktionsart) [3; 4], причем последнее определяется как отдельная категория «способа действия» [3; 5].

Материалы и методы

Термин «Aktionsart», или «способ глагольного действия», довольно широко используется в русистике и германистике, однако до сих пор не имеет однозначного, универсального толкования. Так, при изучении способов глагольного действия (как универсальной функционально-семантической категории) большинство исследователей не признают Aktionsart в немецком языке полным эквивалентом способа действия, традиционно выделяемого в славистике: под способом действия немецкого глагола понимается «лексико-семантическая категория, характеризующая течение, ход действия и не обязательно выраженная формально» [6, S. 22–23]. Данный факт послужил причиной того, что в тюркологической литературе термин не получил широкого распространения.

Акциональность, известная также как семантический тип предиката [7], аспектуальный класс, Aktionsart, лексический вид [8], аспектуальный характер [9], тип ситуации [10], тип события (eventuality type) [11; 12], действие (action) [13], положение дел [14], таксономическая категория глагола [15], а также еще под несколькими названиями, выражается с помощью совокупности лексико-грамматических средств, которые вносят дополнительные характеристики отношения действия к пределу [16, с. 45–47, 52–56], и понимается как параметр межъязыкового варьирования, который приписывает глаголу значения стативности, динамичности, предельности, пунктуальности [17, с. 108], т. е. содержит в себе идею о том, что семантика ситуации зависит от лексического значения глагола.

В качестве средств выражения «способов глагольного действия» в тюркских языках Д. М. Насиловым на примере узбекского языка выделяются особые глагольные аналитические сочетания, которые можно описать как модель CVB + AUX: глагольно-именная форма + вспомогательный глагол, сочетающийся с первым компонентом модели, для уточнения лексического значения глагола — первого компонента [18, с. 38, 75–75; 19, с. 158–168; 20, с. 10–33].

Начинательность, динамичность, длительность, многократность, внезапность, результативность и иные акциональные значения неразрывно связаны с функциональностью аспекта и входят в семантически неоднородное функционально-семантическое поле (ФСП) аспектуальности. Принимая точку зрения об отсутствии

в тюркских языках вида (Aspekt) как грамматической категории, можно говорить лишь об аспектуальных значениях.

Вид указывает на точку зрения говорящего, на особенности протекания действия во временных и пространственных рамках. В соответствии с данной идеей возникает вопрос о возможности рассматривать перфект в рамках аспектуального ФСП и выделении средств его выражения в тюркских языках.

В спектр аспектуальных значений входят все те значения, которые разделяются в зависимости от отношения к пределу, — ограниченность и неограниченность пределом [16, с. 41; 21, с. 50–51; 22, р. 290–291].

Перфект, традиционно выделяемый как особая глагольно-временная форма, понимается как смысловая категория и рассматривается в соответствии с подходом Дж. Байби и Э. Далем [22–25], разработанным в конце прошлого столетия, согласно которому перфект определяется как универсальный категориальный тип (crosslinguistic gram type), в котором сосредоточены только те значения, которые приписываются перфекту в языках мира.

С этой точки зрения особенный интерес вызывает вопрос, как перфект реализуется в тюркских языках. Изучение вопроса в диахронии дает возможность пролить свет на ситуацию с выражением аспектуально-временных значений на начальных стадиях развития тюркских языков, например на материале древнеуйгурского языка. В частности, перфект и средства его выражения в древнеуйгурском языке в диахронии ранее не рассматривались.

С точки зрения разработанного подхода Дж. Байби и О. Даля, определить семантику перфекта в общих чертах можно как указание на некоторую ситуацию, произошедшую в прошлом периоде ориентации и находящуюся в зависимости от *текущей релевантности (current relevance)*. Семантика понятия текущей релевантности неразрывно связана с семантикой перфекта [26, с. 385–402]. Интерпретация текущей релевантности возможна только при отсылке к событию, которое произошло в прошлом периоде ориентации, а его последствия значимы для участников ситуации в «момент речи» [26, с. 389–393]. Исходя из принципа разграничения понятий *язык и речь*, «момент речи» рассматривается как экстралингвистическое понятие, которое не апеллирует к абстрактным образам, входящим в языковое значение. Поэтому под «моментом речи» понимается соотносительность действия с актуальным периодом ориентации [27, с. 525–528]. Период ориентации отражает исходный период всей системы. Именно с этим периодом соотносятся абстрактные образы действий [4, с. 186; 27, с. 526; 28, с. 316–317].

В системе категории времени выделяются три периода ориентации, центральным из них является настоящий период ориентации, под которым понимается «языковленный» абстрактный образ, который возник в результате отражения реальных настоящих моментов [29, с. 183]. Категория времени включает в себя первичную, вторичную и третичную подсистемы, соотносящиеся с настоящим, прошедшим и будущим периодами соответственно [29, с. 181–184].

Исходя из подобного понимания понятия перфекта, его семантический спектр можно представить четырьмя основными типами:

- 1) *результативный перфект*: ситуация «момента речи» иллюстрирует результат ситуации в прошлом;
- 2) *экспериментальный перфект*: ситуация имела место до «момента речи»;

3) *перфект наличной ситуации*: актуальность ситуации, начавшейся в прошлом, сохраняется до «момента речи»;

4) *иммедиатный перфект*: ситуация, произошедшая в прошлом, близка к «моменту речи» [8, р. 56–62].

Подобная классификация значений перфекта указывает на существующую в аспектологии проблему семантической природы перфекта — рассматривать ли перфект только в рамках аспекта [30, с. 41–54], только в рамках морфологической категории времени или выносить перфект за формальные рамки и анализировать его как некую видо-временную форму [8, р. 52–64]. Значения перфекта из приведенной выше классификации Б. Комри реализуются не во всех языках мира.

Проведенные исследования, в основном на материале индоевропейских языков [8; 16; 24; 25; 31; 32], демонстрируют, что семантическую зону перфекта строго ограничить и полностью универсализировать вряд ли возможно, поскольку он тесно связан с аспектуальными значениями результатива и комплетива, которые сформировались раньше самого перфекта, с эвиденциальностью и развитием в претерит (такое диахроническое развитие наблюдается в некоторых индоевропейских языках) [32, с. 41–54; 33, с. 743–744].

Сложно установить, как именно перфект концептуализирует характеристики пространственно-временного континуума [34, с. 498–508], поэтому интересно посмотреть, с помощью каких средств он выражается в тюркских языках.

В традиционных грамматиках по турецкому языку [35; 36] перфект подробно не рассматривается, а выделяются глагольные формы, выражающие значения, которые с точки зрения подхода Б. Комри, Дж. Байби, Э. Даля следует отнести к перфектным. Однако «перфектные» значения подробно не разбираются, описываются лишь морфологические средства, которыми эти значения передаются; кроме того, они отнесены к разделу изъявительного наклонения.

В качестве перфекта как глагольно-временной формы турецкого языка рассматривается форма прошедшего времени с морфемой *-miş* со значением «качественного состояния, наступившего в результате прошлого действия» [35, с. 53] и являющегося «достоянием опыта субъекта действия» [35, с. 54]. Другими словами, в соответствии с данной точкой зрения, указанная форма способна передавать значения из спектра перфекта и указывать на действие в прошлом, результат которого значим для субъекта действия, но при этом говорящий (слушающий) не является свидетелем его совершения, «то есть сведения о ситуации, произошедшей в прошлом, получены говорящим с чужих слов с добавлением дополнительной семантики модальности: неожиданность, новизна сообщения в настоящий момент о действиях, имевших место в прошлом» [35, с. 54].

В рамках изложенной в «Теоретической грамматике турецкого языка» концепции перфект рассматривается внутри подсистемы первичной ориентации турецкого языка и описывается как аспектуально-временная форма, так как содержит временную сему, указывающую на предшествование периоду ориентации (настоящему, прошлому или будущему), и «аспектуальную сему посттерминальности» [29, с. 194]. В этой системе «средство выражения перфекта» (В. Г. Гузев) — форма *-miş* — в 3 лице единственного и множественного числа преобразуется в форму с морфемой *-miştir* и *-mişlerdir*, что отделяет ее, как форму перфекта, от форм «прошедшего опосредованного», выраженных в форме 3 лица единственного и множественного

числа морфемами *-miş* и *-mişlar* соответственно. Основанием для разграничения указанных средств является значение: в семантике прошедшего опосредованного времени есть указание на «неочевидность» совершения действия, т.е. источником информации о совершении действия является третье лицо [29, с. 193–196; 37, с. 213–228]. Перфект же указывает на совершение действия в прошлом периоде ориентации и соотносённость с актуальным периодом ориентации с выражением семантики результативности, импедативности и пр.

Иным средством выражения перфекта в современном турецком языке является аналитическая форма глагола, построенная по модели: причастие прошедшего времени с морфемой *-miş* + вспомогательный глагол *ol-* (‘становиться’). Данная форма призвана передавать связь свершившегося действия с настоящим периодом ориентации и указывать на узуальные смыслы, которые первый компонент формы не передает [29, с. 195]. Более того, значение перфекта в прошлом также находит свое морфологическое выражение в турецком языке с помощью аналитических форм, выраженных морфемой *-miş oluyordu*, *-miş oldu* [29, с. 208]. Перфект в будущем, указывающий на «соотносённость с будущим периодом ориентации и результативностью», передается с помощью форм, выраженных морфемой *-miş olacak*, *-miş olur* [29, с. 212].

Языковая система современных тюркских языков уже достигла того уровня, когда она способна порождать любые языковые средства для отражения конкретных значений, самых мелких деталей и смысловых оттенков. Для понимания, каким образом языковая система может создавать механизм языковой концептуализации взаимосвязи времени и действий, необходимо изучение ранних этапов развития языка, в частности обращение к материалам языка — генетического предка. Отправной точкой для исследования может служить древнеуйгурский язык, на материале которого можно проследить формирование языковых средств выражения актуальных и акциональных значений.

При анализе памятников древнеуйгурского языка наблюдается использование морфологических средств и сочетаний, которые способны передавать в том числе и значения перфекта. Подавляющее большинство случаев употребления морфологических средств указывает на использование форм — носителей результативного перфекта.

Для выражения результативного перфекта чаще всего в памятниках употребляется аналитическое сочетание, в состав которого входит адъективная форма глагола (причастие) *-miş* и вспомогательный глагол *bol-* (‘становиться’). Примечательно, что именно *bol-* присоединяет к себе временную морфему, что позволяет словоформе не только маркировать временную локализованность, но и указывать на аспектуальную характеристику действия. Традиционно данную форму относят к перифрастическим [32, с. 93–97; 38, с. 145–146]. Наличие и условия функционирования подобной формы в древнеуйгурском языке подтверждают идею о том, что наиболее часто встречающимся средством выражения перфекта в языках мира является сочетание глагольно-именной формы лексически значимого глагола и вспомогательного глагола со значением ‘быть’ или ‘иметь’ [19, с. 389; 22, р. 120]. В древнеуйгурском языке наряду с *-miş bol-* можно встретить употребление финитной формы *-miş erti* (*er-* ‘быть’), которая контекстуально способна выражать значения перфекта в прошлом, или плюсквамперфекта.

В описанной выше системе Б. Комри результативный перфект указывает на то, что ситуация «момента речи» иллюстрирует результат ситуации в прошлом. Учитывая связь перфекта с результативными конструкциями [32], можно утверждать, что перфект имеет отличия от результата. Результатив, т. е. этап внутри структуры динамики ситуации [21, с. 50–51], указывает на то, что действие достигло предела, и на форму результата [17, с. 11], но не апеллирует к дальнейшим стадиям. А перфект есть развитие результата и играет роль в «хронологической последовательности», определяемой как *таксис* [16, с. 45–47, 52–56; 22, р. 284–295]. Семантические зоны перфекта и результата пересекаются, но не тождественны. В древнеуйгурском языке результатив может передаваться аналитическими сочетаниями, например, *-p qal-*.

Анализируя факты из памятников, нельзя утверждать, что в древнеуйгурском языке существовали «чистые» формы результативного перфекта, поскольку семантическая зона перфекта имеет зыбкие границы, пересекается с аспектуальными значениями результата и комплетива и включает себя эвиденциальную сему.

Материалы исследования и примеры из памятников

Материалом исследования послужили памятники древнеуйгурского языка: произведение раннесредневековой тюркской литературы — уйгурская версия биографии Сюань-Цзана из коллекции ИВР РАН, 1991 г., являющаяся переложением китайского сочинения «Жизнеописание наставника в законе при великой династии Тан, [хранителя] трех сокровищ из обители Дацзынь» на уйгурский язык, и уйгурская версия тохарской сутры *Maitreyasamiti-Nāṭaka*. При анализе этих памятников обнаруживаются следующие формы, семантика которых контекстуально близка к семантике результативного перфекта.

1. Финитная форма с морфемой *-miš-*:

- (1) *sökilerdä ymä önüp taqı İraq ärtmiš turur tip tidi* [38, VI, с. 11]

söki-ler-dä ymä ön-üp taqı İraq
 прежний-PL-LOCABL снова обнаруживаться-CVB PART далекий
ärt-miš turur tip ti-di
 превосходить-3SG PRF MOD QUOT говорить-3SG PST

‘[Правитель] сказал: «[Наставник в Трипитаке] действительно далеко пре-
 взошел всех остальных»’;

- (2) *men huitso änätkäkdin kelürmiš...* [38, VI, с. 16]

men huitso änätkäk-din kelür-miš...
 я Сюань-цзан Индия-ABL привозить-3SG PRF
 ‘[сутры], которые я, Сюань-цзан, привез из Индии...’

- (3) *üç qotrulmaqlıy kölünüler savınta tutulmiš ol* [38, VIII, с. 2]

üç qotrulmaqlıy kölünü-ler sav-İ-n-ta
 три освобождение колесница-PL речь-3SG POSS-DISTR-LOCABL
tutul-miš ol
 опираться-PRF 3SG

‘Он положился на слово о трех колесницах освобождения.’

2. Финитная форма с морфемой -mîş и вспомогательным глаголом bol-:

(4) er qizil julqalar urmîş bolur [39, s. 138v]

er qizil julqa-lar ur-mîş bol-ur
мужчина красный факел-PL класть-PRF-3SG PRS
'Мужчина является тем, кто расставил красные факелы';

(5) erdinilik qoŋraŋular asmîş bolurlar [39, s. 139]

erdinilik qoŋraŋu-lar as-mîş bol-ur-lar
драгоценность колокольчик вешать-PRF-3PL PRS
'Драгоценные колокольчики будут развешены.'

3. Финитная форма с морфемой -mîş в сочетании с формой утвердительной модальности erür:

(6) çoq jalîn belgülig bolmîş erür (БТТ IX 7 14)

çoq jalîn belgülig bol-mîş erür
блеск мощь приметный становиться-PRF быть-PRS-3 SG
'Стали заметными блеск и мощь';

(7) ozmîş qotrulmîş erür sizler [39, s. 116]

oz-mîş_qotrul-mîş er-ür sizler
спасаться-PRF быть-PRS 2PL
'Вы освободились.'

4. Нефинитная форма с морфемой -mîş в функции определения:

(8) mxaçinadiş uluşdîn kelmiş nomçî baqşı samtso açariniŋ jaratmîş şastrîy körzünler tip.... [38, V, c. 12]

mxaçinadiş uluş-dîn kel-miş
Махачинадеш страна-ABL приходить-3SG PRF.PTCP

nomçî_baqşı

религиозный наставник

samtso açari-niŋ jarat-miş şastrîy kör-zün-lertip
наставник в Трипитаке-GEN создать-3SG PRF.PTCP шастра видеть-PL IMP
'Пусть[они] увидят созданную религиозным наставником, прибывшим из страны Махачинадеш наставником в Трипитаке шастру';

(9) idiz barqđin önmiş dintar ol [38, VI, c. 8]

idiz barq-dîn ön-miş dintar ol
высокий сфера-ABL возникнуть-3SG PRF монах 3SG

'[Наставник в Трипитаке] монах, который спустился с высоких сфер.'

5. Нефинитная форма -mîş в адвербиальной функции:

(10) samtso açariniŋ xantin adrîlip janmîşdaqî [38, VI, c. 18]

samtso açari-niŋ xantin adrîl-ip jan-mîş-da-qî
наставник-GEN правитель расставаться-CVb возвращаться-PRF-LOCABL-SREP

'Так наставник в Трипитаке, попрощавшись с правителем, вернулся в [Чанъ-ань]';

(11) ...tükätip tüşürmištä... [39, s. 120]

tükät-ip tüşür-miš-tä
завершиться-CVB прекратиться-PRF-LOCABL
'Когда завершилось и прекратилось...'

6. Нефинитная форма с морфемой -miš в субстантивной функции:

(12) šastrqa jörüg jaratmišin äšidip... [38, VIII, с. 12]

šastr-qa jörüg jarat-miš-ī-n äšid-ip
шастра-DATLOC толкование составить-PRF-3SGP OSS-ACC слышать-CVB
'[Монах Хуэй-ли] услышав, что [Люй Цай] составил толкование к шастре...';

(13) ...köñülleri ögirmiş sävinmišniñ belgüsi erür [38, VI, с. 7]

köñül-leri ögir-miš sävin-miš-niñ
душа-3PL радоваться-PRF радоваться-PRF-GEN
belgü-si erür
проявление-3SG POSS быть-PRS-3 SG
'Это проявление того, что их души возрадовались'

7. Нефинитная форма с морфемой -miš в сочетании с предикативом kargäk 'нужно':

(14) umuḡ ĩnaḡ tutmiš kargäk tolu tuj-miš-qa [38, VIII, с. 17]

umuḡ ĩnaḡ tut-miš kargäk tolu tuj-miš-qa
надежда вера держать-PRF нужно полный постигать-PRF-DATLOC
'[Погруженные во мрак] должны иметь (быть теми, кто получил) надежду
и веру до полного постижения';

(15) ketumatī kent ulušta uqmiš kargäk [39, s. 163]

ketumatī kent ulušta uq-miš kargäk
Кетумати город селение-LOCABL понимать-PRF нужно
'Нужно понимать (стать понятыми) [что происходит] в городе Кетумати
и селениях'

Анализируемые примеры употребления приведенных выше форм указывают на то, что они могут выступать в качестве носителей результативного перфекта, однако назвать их регулярными средствами выражения результативного перфекта на данном этапе развития языка вряд ли возможно. Каждый пример употребления свидетельствует о том, насколько важен контекст для уточнения значения формы.

Результаты и выводы

В результате проведенного исследования анализа можно сделать вывод о том, что перфектные значения в древнеуйгурском языке выражаются такими морфологическими средствами, которые можно именовать моделями PRF + MOD, CVB + AUX, PRF.PTCP + AUX. Семантическая зона перфекта в древнеуйгурском языке отличается гетерогенностью и зыбкостью границ, поскольку указанные формы могут маркировать временную локализованность и/или аспект. Сделанные наблюдения дают основание полагать, что в X–XI вв. в древнеуйгурском языке уже началось формирование особой группы морфологических средств, способных

маркировать аспектуально-временные значения, хотя языковые средства, способные максимально конкретизировать передаваемое перфектное значение, пока еще не сформировались.

Список сокращений

ABL	— исходный падеж	OPT	— желательное наклонение
ACC	— винительный падеж	PART	— частица
ASP	— аспектуальная сема	PL	— множественное число
CAUS	— понудительный залог	POSS	— категория принадлежности
CVB	— деепричастие	PRF	— перфект
DATLOC	— дательно-местный падеж	PRS	— настоящее время
DISTR	— разделительный согласный	PST	— прошедшее время
EQT	— экватив	PTCP	— причастие
FUT	— будущее время	QUOT	— прямая речь
GEN	— родительный падеж	SG	— единственное число
IMP	— повелительное наклонение	SREP	— вторичная репрезентация
LOCABL	— местно-исходный падеж	1	— 1-е лицо
MOD	— модальность	2	— 2-е лицо
NEG	— отрицательный статус	3	— 3-е лицо

Литература

1. Тенишев Э. Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
2. Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. М.; Л.: Наука, 1956. С. 263–303.
3. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989. 208 с.
4. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 245 с.
5. Ганиев Ф. А. Способы действия глаголов в татарском языке. Казань: Дом печати, 2003. 152 с.
6. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie Verlag, 1963. 226 S.
7. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
8. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 153 p.
9. Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press. 1977. 897 p.
10. Smith C. S. The parameter of Aspect. Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1991. 349 p.
11. Bach E. On Time, Tense, and Aspect: An Essay in English Metaphysics // Radical Pragmatic. New York: Academic Press, 1981. P. 63–81.
12. Filip H. Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference. New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 1999. 322 p.
13. Bache C. The Study of Aspect, Tense and Action. Towards a Theory of the Semantics of Grammatical Categories. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. 350 p.
14. Dik S. The theory of Functional Grammar. Vol. 1. The structure of the clause. Dordrecht: Foris, 1989. 529 p.
15. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
16. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.

17. *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
18. *Насилов Д. М.* К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 158–168.
19. *Майсак Т. А.* Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10–33.
20. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
21. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
22. *Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 415 p.
23. *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
24. *Dahl Ö.* The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3–25.
25. *Dahl Ö., Hedin E.* Current relevance and event reference // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–402.
26. *Гузев В. Г.* Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке // Избранное: к 80-летию / отв. ред. Н. Н. Телицин. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. 638 с.
27. *Гузев В. Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 289–351.
28. *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 274 с.
29. *Гузев В. Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015. 320 с.
30. *Маслов Ю. С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / под ред. В. П. Неद्याлкова. Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
31. *Lindstedt J.* The perfect — aspectual, temporal and evidential // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–383.
32. *Сичинава Д. В.* Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой / под ред. А. В. Бондарко и др. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
33. *Шелякин М. А.* Основные проблемы современной русской аспектологии // Вопросы русской аспектологии. Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 146. Воронеж, 1975. 150 с.
34. *Черткова М. Ю.* От категории вида к категории времени или наоборот? // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 498–508.
35. *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики. В 2 ч. Ч. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 86 с.
36. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
37. *Кузнецов П. И.* Аспект и акционал в турецком языке // Советская тюркология. Вып. 3. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1975. С. 68–81.
38. *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). М.: Наука, 1991. 591 с.
39. *Tekin Ş.* Maitrisimit nom bitig. Die Uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaidhasika-Schule. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 264 s.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2022 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Телицин Николай Николаевич — канд. филол. наук, доц.; n.telitsin@spbu.ru

Алиева Камилла Абдулаевна — kamilla.alieva95@gmail.com

Perfect in the Old Uighur Language

N. N. Telitsin, K. A. Alieva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Telitsin N. N., Alieva K. A. Perfect in the Old Uighur Language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 332–344.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.207> (In Russian)

The article discusses the semantic nature of the Turkic perfect, its semantic zone limitations and possible grammar tools of expressing Perfect in the Old Uighur language. Goals. The study aims to determine grammar tools of expressing Perfect meanings in the Old Uighur language. Morphological tools that are able to perform the meanings included into the semantic zone of Perfect are being studied. Perfect and description of its semantic zone are connected with the concepts of aspect, actionality and ways of verbal action. In this regard, the issue of the relevance of these terms, in relation to the Old Uighur perfect, is under discussion. The grammar tools expressing Perfect are studied according to the point of view that excludes Aspect as a grammar category in the Turkic languages. Studying aspectual and temporal meanings of Perfect diachronically on the basis of the Old Uighur material may give a hint to understand the Turkic perfect and its expressions in genetically related modern languages. Functional-semantic and typological methods are used to identify and describe morphological tools with a perfect meaning. Scripts of the Old Uighur language, dated back to 10th–11th centuries, are of biographical and religious-philosophical content. Work with scripts, comprehension of existing theoretical approaches to understanding Perfect as an element of aspectual functional-semantic field show that Perfect meanings in the Old Uighur language are expressed by morphological tools that can be correlated with models. The study concludes that means expressing the Perfect meaning in the Old Uighur language are able to mark temporal localization and/or aspect.

Keywords: Turkic languages, Old Uighur language, scripts, aspect, aspectuality, perfect, analytical forms, periphrastic forms.

References

1. Tenishev E. R. *Comparative historical grammar of the Turkic languages. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 560 p. (In Russian)
2. Baskakov N. A. The system of conjugation or change of words by persons in the languages of the Turkic group. *Issledovaniia po sravnitel'noj grammatike tiurkskikh iazykov*, vol. II. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1956, pp. 263–303. (In Russian)
3. Nasilov D. M. *Problems of Turkic aspectuality. Actionality*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 208 p. (In Russian)
4. Kononov A. N. *Grammar of the language of the Turkic runic monuments (6th–9th centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 245 p. (In Russian)
5. Ganiev F. A. *Modes of action of verbs in the Tatar language*. Kazan, Dom pechati Publ., 2003. 152 p. (In Russian)
6. Erben J. *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin, Akademie Verlag, 1963. 226 p.
7. Bulygina T. V. On the construction of a typology of predicates in the Russian language. *Semanticheskie tipy predikatov*. Ed. by O. N. Seliverstova. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 7–85. (In Russian)
8. Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 153 p.
9. Lyons J. *Semantics*. Cambridge, Cambridge University Press. 1977. 897 p.

10. Smith C. S. *The parameter of Aspect*. Dordrecht, Springer Science & Business Media, 1991. 349 p.
11. Bach E. On Time, Tense, and Aspect: An Essay in English Metaphysics. *Radical Pragmatic*. New York, Academic Press, 1981, pp. 63–81.
12. Filip H. *Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference*. New York, Routledge, Taylor and Francis Group, 1999. 322 p.
13. Bache C. The Study of Aspect, Tense and Action. *Towards a Theory of the Semantics of Grammatical Categories*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1995. 350 p.
14. Dik S. *The theory of Functional Grammar. Vol. 1. The structure of the clause*. Dordrecht, Foris, 1989. 529 p.
15. Paducheva E. V. *Semantic research*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 480 p. (In Russian)
16. Bondarko A. V. *The Theory of Functional Grammar. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Leningrad, Nauka Publ. 348 p. (In Russian)
17. Tatevosov S. G. Actionality: typology and theory. *Voprosy iazykoznanii*, 2005, no. 1, pp. 108–141. (In Russian)
18. Nasilov D. M. On the history of auxiliary verbs in the Turkic languages. *Tiurkologicheskie issledovaniia*. Moscow, 1976, pp. 158–168. (In Russian)
19. Maysak T. A. Grammaticalization of verbs of movement: typology experience. *Voprosy iazykoznanii*, 2000, no. 1, pp. 10–33. (In Russian)
20. Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russian verb*. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 190 p. (In Russian)
21. Plungian V. A. *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world*. Moscow, Izd-vo RGGU Publ., 2011. 672 p. (In Russian)
22. Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 415 p.
23. Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, Blackwell, 1985. 213 p.
24. Dahl Ö. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 3–25.
25. Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 385–402.
26. Guzev V. G. Category of the indicative mood (indicative). The category of indicative time in the Turkish language. *Guzev V. G. Izbrannoe: k 80-letiiu*. Ed. by N. N. Telitsin. St. Petersburg, Studiiia “NP-Print” Publ., 2019. 638 p. (In Russian)
27. Guzev V. G. Verb inflection in the Turkish language. *Ocherki po teoreticheskoi grammatike vostochnykh iazykov: sushchestvitel'noe i glagol*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2011, pp. 289–351. (In Russian)
28. Yuldashev A. A. *Analytical forms of the verb in the Turkic languages*. Moscow, Nauka Publ., 1965. 274 p. (In Russian)
29. Guzev V. G. *Theoretical grammar of the Turkish language*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2015. 320 p. (In Russian)
30. Maslov Y. S. Resultative, perfect and verb form. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 41–54. (In Russian)
31. Lindstedt J. The perfect — aspectual, temporal and evidential. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 365–383.
32. Sichinava D. V. The connection between the form and semantics of the perfect: one unexplored pattern. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Ed. by A. V. Bondarko et al. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 711–749. (In Russian)
33. Shelyakin M. A. The main problems of modern Russian aspectology. *Voprosy russkoi aspektologii. Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 146. Voronezh, 1975. 150 p. (In Russian)
34. Chertkova M. Y. From the category of aspect to the category of tense or vice versa? *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniia*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, pp. 498–508. (In Russian)
35. Ivanov S. N. *Course of Turkish grammar*. In 2 parts. Part 2. Leningrad, Leningrad University Press, 1977. 86 p. (In Russian)

36. Kononov A. N. *Grammar of the modern Turkish literary language*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956. 570 p. (In Russian)
37. Kuznetsov P. I. Aspect and action in the Turkish language. *Sovetskaia tiurkologiia*, iss. 3. Baku, AN Azerbaidzhanskoi SSR Publ., 1975, pp. 68–81. (In Russian)
38. Tugusheva L. Yu. *The Uighur Version of Xuanzang's biography (fragments from the Leningrad manuscript collection of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of USSR)*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 91 p. (In Russian)
39. Tekin Ş. *Maitrisimit nom bitig. Die Uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhasika-Schule*. Berlin, Akademie-Verlag, 1980. 264 p.

Received: October 15, 2022

Accepted: March 31, 2023

Authors' information:

Nikolay N. Telitsin — PhD in Philology, Associate Professor; n.telitsin@spbu.ru

Kamilla A. Alieva — kamilla.alieva95@gmail.com